

НЕКРОМАНТИЯ В БЫТУ

Нельзя просто так взять –
и похоронить свои тайны

Татьяна Вешкина

Young adult. Ориджиналы

Татьяна Вешкина
Некромантия в быту

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вешкина Т.

Некромантия в быту / Т. Вешкина — «Эксмо», 2023 — (Young adult. Ориджиналы)

ISBN 978-5-04-193549-8

В обычные дни – он продавец удобрений и мастер садово-огородного дела, а во все остальные – некромант с вековым стажем работы. Гилиад Вайс ведет свою непрекращающуюся борьбу со злом и ностальгией по Петербургу в маленьком городе, где происходит слишком много странного и неведомого. Вместе с прибытием стажера-волшебницы по имени Адель градус мрачности и ужасности начинает зашкаливать, а в мир врывается некая темная, неизведанная сила...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193549-8

© Вешкина Т., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Гиляд. Корень зла	6
Гиляд. Нежданное предложение	14
Адель. Что-то не так с городом	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Вешкина

Некромантия в быту. Предания старины

© Вешкина Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Гиляд. Корень зла

Правда всегда вылезает наружу. Иногда она в самый неподходящий момент приобретает вид гигантского inferнального слизня, благодаря которому я теряю очередную ассистентку. Впрочем, если бы я был человеком, то тоже уволился бы из подобной конторы. Что самое обидное – накануне вечером мне почти удалось убедить Марию, что моль в шкафу для верхней одежды завелась самая обычная, и вообще, из-за этих добавок и ГМО кто только не вырастет крупным и кусающимся. Я даже сумел заставить сотрудницу поверить в то, что маленькая собачка покупателя уже пришла к нам в офис с плешью на спине. И все шло хорошо, пока в соседнем измерении не начался сезон сбора урожая, который привел к оживлению яблочных плодоярков и плотоядно-тыквенных слизней. Несмотря на свой безобидный нрав, улитки, заполонившие двор, выглядели в крайней степени хищно. Особенно когда одна из них случайно перепутала рыжий парик визжащей Марии со свежим оранжевым овощем.

За время своей службы некромантом я чего только не повидал, но в первый раз наблюдал, как моя уже бывшая ассистентка пытается вытянуть изо рта слизня почти пережеванные волосы и колотит его туплей со сломанным каблуком, прежде чем броситься наутек. В такие моменты я всегда мысленно возвращался к осознанию того, как я докатился до усмирения разбушевавшихся животных в маленьком городе и потерял свою уважаемую должность в Санкт-Петербурге. Хотелось лечиться знакомыми поворотами дорожек в парке «30-летия Октября», закатом над Александро-Невской лаврой... Я мечтал приложить к душе подорожник с набережной Невы в теплый летний день, но был вынужден возвращаться в родные края лишь по ночам во снах. По старинной русской традиции в места на отшибе Вселенной отправлялись либо самые бесталанные, либо особенно провинившиеся специалисты. Люди второй категории хотя бы имели возможность исправиться и снова войти в милость Совета волшебников. На своеобразное помилование надеялся и я. А пока мне оставалось лишь принять реальность и обустроиться на новом месте с комфортом.

По какой-то причине самые популярные и распространенные в стране названия улиц ограждали ее жителей от нечисти со злыми намерениями. Как будто кто-то давным-давно вычислил магические сочетания букв и вплел их в целые слова, а потом попытался обезопасить каждый город в стране. Для своего офиса я выбрал улицу Садовую, потому что с темными силами мне хотелось встречаться как можно реже. В виде бонуса крыльцо конторы, выходящее на зеленый бульвар, обходили стороной бомжи, голосащие озорные гуляки, а также налоговая. Я не раз видел, как люди, собирающиеся явиться с жалобой на мой бизнес, вдруг разворачивались у самых дверей, словно вспоминая, что позабыли выключить дома уют. Скромная конторка «ЭкоДом» собирала данные об экологической ситуации в разных районах, проверяла качество воды и состояние почвы, а также рекомендовала места под частную застройку и рытье колодцев. Самым частым поводом для обращения в мою фирму по праву являлась покупка удобрений. Однако мало кто знал, что «ЭкоДом» был основан как прикрытия совершенно другой, нелегальной деятельности. Обычно после этих фраз люди представляют себе подпольные казино и мафию, но для меня весь этот мир был чужд и непонятен. Моя реальность была куда как мрачнее, но вместе с тем и интереснее.

Из задумчивости меня выдернула гигантская улитка – она понимающе тыкалась носом в мою руку – возможно, из сочувствия, а возможно, надеясь найти в карманах кусок тыквы. Я покачал головой и отправился возвращать кротких созданий обратно в их мир, а потом вызвал команду зачистки памяти.

Перед глазами мелькали цветные колонки данных, и я поймал себя на мысли, что уже пятый раз пытаюсь расшифровать один и тот же график. Несмотря на процедуру редактирования памяти, Мария не сомневалась в том, что уволилась еще утром, и определенно точно винила меня в чем-то, чего сама не могла вспомнить. Это означало, что с человеческой частью работы мне сегодня никто не поможет. Я сидел в своем офисе и разбирался в результатах экспертизы, которую недавно провел мой подрядчик. На столе снова завелся бардак, и вместо того чтобы выяснить химический состав почвы и грунтовых вод, я принялся раскладывать ворох бумаг в аккуратные стопки и сортировать документы по пустым папкам. Иногда мне казалось, что ребята из соседней конторы, продающие горящие путевки, втайне подкладывают мне свои документы. Ну не могло у одной фирмы за месяц скапливаться столько отчетов и файлов!

Неравную битву с вечно подкрадывающимся беспорядком прервала вибрация смартфона. Я словно перезагрузился и ощутил приятное покалывание в пальцах. Окончательно уставший и замученный, я оживлялся, только когда изнаночный мир приходил в движение и выплевывал из пододеяльника ирреальности очередных чудовищ. На экране телефона всплыла новость: «Местный владелец таунхауса нашел у себя на участке новый вид сорняка». В моем деле редко случаются совпадения и куда как реже происходят научные открытия. Кроме того, виртуальная программа распознавания магических происшествий редко ошибалась и почти всегда отбраковывала пустяковые заголовки из прессы. Среди некромантов сервис для смартфонов даже получил звучное прозвище: «Запахло жареным».

Я набросил на плечо куртку и закрыл дверь, не забыв повесить на ее ручку табличку с номером своего телефона. В новостной сводке была фотография мужчины напротив серого двухэтажного дома с алой черепичной крышей. Такие дома серийной постройки в городе были только в одном районе и не затрудняли идентификацию. Кадр услужливо ловил крупный номер дома, не оставляя никакого пространства для фантазии или игры в детектива. В руке садовод-любитель сжимал стебель с корешком с таким гордым и довольным видом, как будто этот сорняк он только что отпочковал от себя. И хотя по снимку мне было трудно определить, земное или иномирное происхождение у ростка, я решил нанести визит. На экране смартфона высветился самый короткий маршрут. Я все никак не мог привыкнуть, что на машине из центра, где находился мой дом и арендованный офис, за десять-пятнадцать минут можно было доехать до любого края города. Ну не должны были вот так быстро и преступно дома заканчи-

ваться лесом и рекой!.. Этот градостроительный план заставлял думать о том, что я попался в ловушку или в декорацию для съемок фильма.

Я вышел из джипа, легко найдя парковочное место. Джипы покупают в трех случаях – когда хотят надежную машину, когда нужно покрасоваться и на случай непредвиденных встреч с inferнальными созданиями... Впрочем, последний пункт можно трактовать весьма широко, ведь у каждого владельца джипа свое понимание inferнального. Для кого-то и другие люди, особенно в дорогих костюмах, чересчур зловещи и хтоничны. Я взял с переднего сиденья небольшой чемоданчик с реактивами и направился в сторону нужного мне строения.

Как я и ожидал, таунхаус стоял в длинном ряду почти неотличимых друг от друга коттеджей с приусадебной территорией за высокими воротами. Я нажал на кнопку звонка на воротах и принялся ждать. Дом вызывал ощущение, что архитектор и не проектировал его вовсе, а просто взял готовую модель из какой-нибудь компьютерной игры и нажал много раз подряд кнопку «копировать-вставить». Словно извиняясь за поведение инженера, хозяева шаблонных таунхаусов пытались исправить ситуацию своими силами. Каждый старался создать неповторимую лужайку, а также соревновался с другими людьми экстравагантностью прудов, мостиков и пристроек. Мне уже стало казаться, что я сегодня не увижу владельцев, когда наконец подошел тот самый мужчина с фотографии из газетной статьи. У него были легкие залысины и роскошный плотный халат в пол, напоминающий почему-то мантию волшебника.

– Вы – новый садовник?

Я с ухмылкой замотал головой и кивнул в сторону припаркованного автомобиля:

– Я владелец компании «ЭкоДом».

В ситуациях, подобных этой, я всегда быстро и на ходу придумывал легенду, подстраиваясь под характер и ожидания своего собеседника. Обычно импровизация получалась куда как достовернее, чем тщательно и заранее проработанная речь.

– Я слышал о вас и вашей компании. У меня друг заказывает ваши удобрения.

В который раз меня выручала репутация. Чем меньше город, тем больше в нем все завязано на связях и узнавании. Иногда мне казалось, что каждый житель здесь приходится друг другу либо родственником, либо приятелем. Впрочем, в самых крупных городах ситуация обстоит не менее забавная – мегаполисы любили организовывать самые неожиданные встречи. И история, когда ты случайно знакомишься с каким-нибудь итальянцем в Праге, а потом через год встречаешь его в богом забытом спальном районе среди панелек Петербурга, считалась более чем рядовой.

– Хотел предложить вам эксклюзивный контракт.

– А, так вы пришли выкорчевать наконец эти неубиваемые растения, которые уничтожили все мои японские клены? – Мужчина непроизвольно обернулся в сторону своего сада. – Сколько вы берете за это? И какие даете гарантии?

Обычно моя тактика заключалась в том, что я почти ничего не сообщал о себе и своих намерениях и ждал, когда все это за меня придумает мой клиент. Люди сами наделяли меня той ролью, в которой больше всего нуждались.

– У меня есть необходимые гербициды и реактивы, которые помогут достаточно быстро избавиться от вашей проблемы. Сама работа вам не будет стоить ровным счетом ничего, я возьму с вас только стоимость расходников. Акция предоставляется всем новым клиентам.

– Я согласен.

Лицо собеседника прояснилось, и он поспешил открыть калитку, заканчивающуюся заостренными металлическими пиками. Когда я зашел, мужчина улыбнулся и протянул свою крепкую ладонь для рукопожатия:

– Евгений.

– Григорий, – соврал я, используя менее экзотичное имя, которым обычно представлялся в этом городе. – Я посмотрю на ваш сорняк, и у меня с собой вся необходимая химия и оборудование для анализа почвы, – я показал на чемоданчик в руке.

Евгений взглядом предложил следовать за ним и повел меня по извилистой дорожке, засыпанной блестящей морской галькой на японский манер.

– А ваши смеси не испортят землю? Не токсичны? – владелец дома недоверчиво обернулся через плечо.

– Нет, что вы. Мы работаем с прицельно действующими реактивами. Будут задеты только корни паразитирующих сорняков. «И кроме того, даже если я напортачу, все отходы выльются в другое измерение», – я мысленно закончил эту фразу и подумал, как же сильно иногда не хватает человека, с которым можно было бы обсуждать свою работу.

Мы обошли дом и выбрались на небольшую полянку. Совсем недавно на ней наверняка росла густая, аккуратно подстриженная трава. Но сейчас в центре участка торчали мягкие стволы карликовых деревьев с понурыми ветками на фоне почерневшей лужайки. Такие вещи творит либо огонь, либо внеземная форма жизни. Отдаляясь от эпицентра распространения чужеродных растений, трава становилась сначала нездорово оранжевой, а затем желтой, после чего переставала выглядеть больной. И посреди этого безобразия жизнерадостно торчали вполне себе процветающие ростки. На самом деле не так много растительных видов могли сотворить с землей нечто подобное. Я поставил чемоданчик на землю и принялся рыться в нем под аккомпанемент легкого звона закупоренных пробирок. Евгений, с интересом наблюдающий за процессом чуть поодаль, поинтересовался:

– И все-таки, какой состав у ваших жидкостей и порошков?

– По сути, я работаю с кислотами и щелочами. Это весьма эффективные гербициды. – Я присел на корточки и копнул землю под одной из ярко-зеленых стрел враждебно настроенного растения. – Если почва вокруг щелочная – значит, мне нужна смесь с кислотой. И наоборот. Эти растения создают для себя комфортную среду. А я собираюсь вернуть ту, которая привычна этой почве.

Если мужчина и заподозрил, что я говорю информацию, противоречащую элементарным азам садоводства, то никак не подал вида. И потом, если он собирался нанять садовника, то вряд ли бы оказался искушенным специалистом в области выращивания растений. Евгений поверил в мою откровенность и заметно расслабился. Я начинал подозревать, что умение распознавать ложь – одно из главных качеств для достижения высокого уровня дохода. Мне и правда не пришлось врать – ведь с иномирными сорняками требовались иные способы борьбы. Я достал защитную перчатку, надел на руку и осторожно откопал основание стебля. На глаза показалась ярко-фиолетовая пульсирующая луковица. Впрочем, со своего места Евгений едва бы разглядел движения луковицы, похожие на дыхание. Сказка о Чиполлино неожиданно заиграла новыми красками: передо мной был разумный клубень.

– У вас есть лопата? Принесите, пожалуйста. А то я оставил свою в багажнике. Как раз пока проведу с этим растением пару тестов.

Евгений неохотно согласился, – очевидно, ему было любопытно, что именно я собираюсь дальше делать. Когда шаги владельца дома стихли за поворотом, я вылил под центральную луковицу большую колбу прозрачной жидкости. Сначала задергалась первая луковица, а затем в движение пришла сразу целая поляна. Если опасность угрожала одному Стеблю мертвеца, об этом сразу же, словно через радиотрансляцию, узнавали все остальные. В некотором роде у всех растений был коллективный разум, а общались стебли не то через сигнальную систему запахов, не то через еле заметные вибрации почвы. Я ставил на второе. Прошло несколько секунд, и растения словно разом всосало внутрь земли. Теперь оставалось запечатать разлом реальности. Я достал полностью заряженный амулет и прошелся с ним вдоль зараженной зоны,

приговаривая древние заклинания, смакующие и повторяющие само понятие слова «печать» на древних, давно отмерших языках.

– А чего это вы, – спросил вернувшийся Евгений, – такое шепчете?

– Пытаюсь вспомнить название подходящего гербицида. На латыни. В принципе, все тесты я уже провел, осталось просто вскопать землю и обработать моими фирменными смесями.

Мужчина все правильно понял – и решил не мешать мне. Но я был уверен, что он станет приглядывать за мной из окна дома. Прорывы реальности случались гораздо чаще, чем можно себе представить. Большая часть моей работы состояла в том, чтобы классифицировать и изгонять прочь все инородное и мертвое, приходящее из чужих миров. Например, Стебель мертвеца сам по себе нес опасность только для земных растений, и то не для всех. Но если фиолетовые луковицы вылуплялись на кладбище, то каким-то загадочно-ботаническим образом поднимали мертвецов, вступая с ними во вполне плодотворный симбиоз. Доставая из багажника удобрение и семена травы, я вспомнил другую историю, когда растение появилось на кладбище.

В тот день сработала вибрация наручных часов. Циферблат с упреком подмигивал ярко-красным светом, сообщая о том, что нарушены ближние границы города. Цвет, а точнее, его оттенок указывал достаточно точное место, в котором минуту назад прошло что-то враждебное и неизведанное. Я с уверенностью мог сказать две вещи: первое – это нечто точно уже не дышит и второе – свой путь в город нежить держит через наплавной мост. Я представил, как в припадке возмущения дергается сторожевой амулет, улавливая пересечение границы. И как с тихим стуком ударяются друг о друга камни, подрагивают легкие перья, закрепленные на зеленой рыболовной сетке. Амулет можно было изготовить из любых предметов, но лучше всего годились материалы, найденные рядом с тем местом, которое будет служить своеобразным рубежом. Я закольцевал волшебную силу на «ловце монстров» и на своих смарт-часах – получилось не сильно энергоемко и достаточно практично. Однако по какой-то причине не сработали другие амулеты, установленные в среднем и дальнем кругах за городом, которые бы дали мне больше времени на подготовку к встрече с нежитью. Обычно мои «подопечные» были не слишком расторопны и двигались скорее ползком или прихрамывая и пошатываясь. Впрочем, встречались и весьма активные экземпляры, которые ретиво бежали или пользовались услугами транспорта – как правило, они залезали в прицепы и «Газели» или случайно зацеплялись за какой-нибудь электросамокат и волочились по асфальту.

Мой джип вырулил через Старый город по направлению к понтонному мосту на достаточно большой скорости. Да, мне было совестно подтверждать ужасный стереотип о неаккуратной и равнодушной езде водителей дорогих бронированных машин, но я не мог сейчас изображать неторопливый катафалк. Иначе на катафалке могут повезти кого-нибудь другого. Я припарковал свой автомобиль недалеко от моста через стремительную реку и достал с заднего пассажирского сиденья еще одно изобретение, переделанное из современной техники мною собственноручно. Внутри нарастало не беспокойство, а предвкушение. Я закрепил за спиной ранец, в котором помещался корпус пылесоса, и покрепче перехватил гибкий шланг. Со стороны могло показаться, что я вышел на дорогу, чтобы выгулять свой домашний пылесос, который соскучился по свежему воздуху, и еще я, наверно, был похож на дурака, который решил пропылесосить мостовую. Однако другая бытовая техника не давала такого точного и быстрого результата, необходимого, чтобы обнаружить следы нежити. Какое-то время я пробовал заколдовать робот-пылесос, но он иногда глючил или капризничал и очень любил долго и уныло биться о стены и бордюрный камень.

Попискивание пылесоса известило о том, что устройство обнаружило клетки кожи мертвеца, а заодно привлекло ко мне несколько любопытных взглядов туристов, рассматривающих силуэт древней каменной кладки городских ворот. Мне уже удалось убедить местных жителей,

что как глава компании «ЭкоДом» я провожу проверки окружающей среды при помощи ультрасовременного оборудования, заказанного в Америке. Но вот гости города к такому зрелищу еще не привыкли, а потому обычно сразу хватались за свои телефоны и снимали видео с моим участием. То и дело в интернете всплывали ролики с броскими названиями: «Мужчина сошел с ума и думает, что он охотник за привидениями», и «Парень с пылесосом ищет мусорного монстра». Команда зачистки, конечно, убирала этот развлекательный контент из интернета, но я подозреваю, что перед этим сохраняла себе на память.

А часом раньше, разбуженный непонятным гулом и монотонными механическими звуками, под землей зашевелился древний воин, который не знал покоя с XIII века. Защитник стен по имени Переслав Недосолов был убит при попытке взять стены его родного города войском хана Батыея. Погруженный в слой торфа, он дремал и видел крайне беспокойные сны, в которых люди добровольно сдавали себя в долговое рабство своему же народу и меняли крепкую дружбу на аналог горсти звенящих монет. Образы вдруг стали ярче, словно вышли из тьмы на яркий дневной свет, и витязь обрел желание завершить свой долг. Клацанье и рев строительной техники раздались совсем близко, и ковш экскаватора зацепил пласт плотной массы из перегнивших остатков растений и организмов. Воин смог освободить одну руку и пошевелил пальцами. Медленно, словно не веря в свое счастье, древний человек стер с лица налипшие комки торфа и зажмурился от яркого света.

– Витамин Д! – щурясь, он пробурчал незнакомое слово, одно из тех, которое привиделось ему в болотной полудреме, и позволил себе сделать неожиданный вывод: – Полезен для серой кожи.

Кожа у Переслава Недосолова и правда была серо-стального цвета, зато сохранилась почти полностью. Изменениям не подверглись также кольчуга и шлем, а еще большая часть рубахи и штанов. В том месте на спине, где металлические звенья брони размыкались, присосалась небольшая фиолетовая луковица. Левая рука высохла и стала совсем как у скелета. Но человек не расстроился и изучил целую, неизувеченную правую. Именно в ней был зажат длинный полуторный меч, не потерявший блеска и остроты. Воитель проверил хватку, откопал обе ноги и с дикими криками понесся через строительную площадку. Водитель экскаватора Павел клич услышал и перегнулся через приборную панель. Сначала он решил, что кто-то из коллег-рабочих решил устроить розыгрыш. После того как эти ребята со странным чувством юмора подложили ему в кабину скелет, найденный во время рытья котлована для многоэтажного дома, Павел во всем винил нерадивых шутников. Впрочем, убегающая в закат серокожая мумия с перекошенным набок сонным лицом была уж слишком детально проработана. Водитель экскаватора потрогал свой лоб, нашел его слишком горячим и решил отныне приходить на работу в кепочке. А пока невозмутимо продолжил копать углубление под декоративное озеро, которое должно было стать изюминкой нового парка отдыха.

Воин бодро двинулся к городу, умело размахивая мечом и ловко срезая бутоны цветов на ходу. Поначалу восставший почти не встречал людей на своем пути, но после того, как он пересек наплавной мост, стал замечать все больше гостей города. Казалось, они намеренно сбивались в группы покучнее. За спиной бредущего по автостраде Переслава раздался резкий визг автомобильного клаксона.

– Вы права где покупали? – Болотный человек решил воспользоваться фразой, которая ему снилась чаще других, и зашагал дальше, не оглядываясь. Из окна дивного изобретения, похожего на повозку, раздалась ужасные возмущенные крики. В ответ на ругань пешеход лишь возмутился:

– Что ж вы слова басурманские мне кричите? Негоже.

Люди на набережной, привлеченные звуком автомобильного клаксона и необычайно зычным голосом странно выглядящего ходока, бросали свои дела. Они вешали на шею фотоаппа-

раты, прекращая летние фотосесии у воды, отвлекались от своих мирных бесед и переставали обниматься.

– Свободная касса! Вам бургер здесь или с собой? – Воин уже всю пытался общаться со следующим водителем, заглядывая ему прямо в окошко затормозившего автомобиля.

Смеющиеся люди ничего не ответили, только достали небольшие плоские коробка и направили их в сторону чужака. Поняв, что фраза употреблена неправильно, а возможно, и вовсе оскорбительно, Переслав Недосолов решил отложить знакомство с дивным новым миром на потом. Ноги понесли восставшего к мощной городской стене кремля вверх по мощенному булыжником склону. Этот день мог закончиться для воителя мирно – горожане и туристы признали бы в нем хорошего актера-реконструктора, добившегося удивительной достоверности образа. И тогда Переслав заработал бы хорошие деньги на фотографиях с людьми и в конце концов догадался, как купить мороженое, лимонад и даже претцель с сыром по старинному рецепту из родной эпохи. Но, к несчастью, именно в этот момент на площадь за городскими воротами въехал длинный и упитанный автобус, в котором уместилось удивительно много жителей Поднебесной республики. Они высыпали на улицу, словно разноцветные бусины с оборвавшейся нитки ожерелья, и заполнили пешеходную зону напротив деревянного лотка с выпечкой. С неподдельным интересом и восхищением они осматривали центр древнего города, любясь на отреставрированный квартал трактиров, лавочек и мастерских в два этажа. В глазах воина этот дружественный акт приобщения к культуре выглядел как очередная попытка взять рубежи его Родины. Увидев лица, напомнившие ему о врагах, болотный человек ринулся вперед, не разбирая дороги.

В моей голове проносились неуместные для данной ситуации мысли: как я мог упустить захоронение на границе с центральным районом прямо у себя под носом? Перед глазами снова и снова вставала карта города, на которой светящимися точками были отмечены места крупных битв и маленьких междоусобных столкновений, незаконные могильники родом из девяностых и обычные кладбища. Заступая на пост волшебника-некроманта, куратора своего города, я тщательно исследовал все прилегающие области с детектором нежити (да-да, у переделанного пылесоса было свое название). Разрыв ткани реальности мог произойти где угодно, а пробуждение живых мертвецов из-за вторжения иномирной флоры случалось чаще, чем можно предположить. Каждый квадратный метр был прочесан и занесен на карту, а опасные зоны снабжены необходимыми амулетами. Для небольших нежитеактивных участков я смастерил сдерживающие артефакты, которые препятствовали рандомному восстанию из мертвых. Такие безделушки обходились дорого и каждый день забирали у меня достаточно много силы, поэтому я никогда не злоупотреблял созданием подобного и уж тем более не мог соорудить защитную сеть вокруг города.

Я ударил себя по лбу на бегу. Ну конечно! Все дело в плотном слое торфа, экранирующим волны моего изобретения. Поскольку торф представлял собой перегнившие и мертвые останки древних и не очень организмов, я просто не смог бы обнаружить в нем нежить. Надеяться отыскать в торфе усопших также бесполезно, как пытаться найти россыпь древних монет над остовом подводной лодки при помощи металлодетектора.

Судя по видеозаписям, которые уже успели попасть на сайт новостного канала, таинственный болотный человек направлялся в Старый город. Как у некроманта, у меня было чудовищно большое количество уроков истории. На восставшем был доспех XIII века, и я атрибутировал его как экипировку городского стражника. Значит, мертвенький нарушитель направляется нести свою вахту. Ну почему мне вечно достаются воины? Нет бы обычные веселые завсегдатаи таверн, воспитанные дамские угодники или скромные пастушки. Правильно, зачем, пусть будут воители, вернувшиеся на службу. Я наконец догнал беглеца – в тот самый момент, когда началось веселье на площади, за древними городскими воротами с красивой красной башенкой.

– Вейсяю! ¹ – В предзакатном пурпурном вельвете ночи мелькнула череда вспышек фотоаппарата одного из туристов.

Я покачал головой. Китаец слишком близко подошел к нежити, делая селфи на большую зеркальную камеру. Ослепленный яркой вспышкой, изолированный от лучей света несколько долгих веков, воин никак не мог прийти в себя и смешно задержал руками.

Но туристы решили, что перед ними просто блестящий актер, играющий зомбо-воина в антураже старинного города-крепости.

– Цаи цу! ²– Череда фотовспышек заставила болотного человека не просто зажмуриться, а перекосяться в агонии из странных неритмичных подергиваний. Чуть позже я даже нашел в интернете закольцованный ролик, где странные ужимки воина были наложены на веселую клубную музыку.

За секунду до того, как воин взмахнул мечом, я безжалостно сдавил Стебель мертвеца, присосавшись к защитнику стен. Моя рука коснулась неживого тела, проникая в чужие мысли, оплетенные отростками паразитирующей фиолетовой луковицы. Отключив воителя от жизни, обрезав последние нити, соединяющие с моей реальностью, я произнес упокаивающее заклинание и выдохнул. Теперь мой путь лежал в сторону ближайшего захоронения. Я ожидал увидеть лес рук, выкапывающихся из земли, или процессию из воителей прошлого, направляющуюся в знакомые места, но раскопанное болото оказалось пустым. Тогда я провел все те же операции, что и сегодня на заднем дворе у Евгения.

Когда я засыпал на свежееудобренную землю семена травы, Евгений предложил пойти в дом и выпить с ним настоящий японский чай матча.

– На самом деле мне пора. У меня недавно уволилась помощница, и я пока не нашел ей замену... Так что офис пока закрыт. Нужно возвращаться на работу... ну, вы сами понимаете.

– Спасибо, я вам очень благодарен. Не могли бы вы оставить свою визитку?

Обменяв визитку на деньги и подарок в виде коробки чая матча, я вернулся к своей машине. Вечером, заварив чай в полном одиночестве, я уже сожалел, что отказался от теплого гостеприимного предложения и ни к чему не обязывающей светской беседы.

¹ Вейсяю! – «Улыбочку!» (кит.)

² Цаи цу! – «И еще раз!» (кит.)

Гилиад. Нежданное предложение

Я уже и не помню, когда в последний раз все шло не наперекосяк. Сначала холерные 1920-е, потом мой ужасный провал и наконец назначение в маленький провинциальный городок в области. Может показаться, что высший колдовской совет наказывает рутинной и отсутствием возможности сделать что-то по специальности... Но опыт подсказывает, что чем меньше населенный пункт, тем больше в нем тайн и загадок магического характера. Это в мегаполисах царит порядок и все работает как часы... А вот в маленьких, но старых городах дел у волшебника всегда достаточно. Я повесил на дверь своего офиса табличку «Закрото на дезинсекцию» и отправился в район Старого города.

Меня всегда успокаивала вдумчивая прогулка по дореволюционным кварталам. Вдыхая тонкий аромат магии, навеки впечатавшийся в каменные стены домов и мостовые из брусчатки, я мог предаваться ностальгическим воспоминаниям о прошлом. Колдовство, вложенное в старые города, пахло летней грозой, а еще выпечкой, приготовленной заботливыми руками, и располагало к философским мыслям. Когда-то весь город помещался внутри высокой, монументальной стены, надежно упрятанный от врагов. Глядя на стены кремля, я всегда вспоминал уютный мир снежного шара, защищенный своей стеклянно-глицериновой оболочкой от всего враждебного. Для меня окружающая реальность, пожалуй, всегда казалась слишком хрупкой...

Мимо меня по дорожке пробежала маленькая белокурая девочка в комбинезоне. Она остановилась, засмотревшись на желтый одуванчик, присела на корточки и плохо слушающимися пальцами сорвала его. Крепко держа цветок в руке, девочка с самыми восторженными чувствами первооткрывателя побежала обратно, к своей матери. Я даже замедлил шаг, потому что очень хотел увидеть счастливое продолжение истории. Изможденная женщина толкала вперед коляску с еще одним ребенком – пухлым мальчиком, от жары обсыпанным красными пятнами. Увидев примчавшуюся дочь, уставшая мама натужно улыбнулась и взяла в руки одуванчик. Девочка, что-то напевая, унеслась вперед, к мосту, перекинутому через глубокий, поросший травой ров перед крепостной стеной. Женщина убрала с лица прядь подкрашенных золотистых волос и выронила цветок на асфальт. Мне стало очень больно, когда колесо коляски

переехало пушистый желтый одуванчик. Меня не столько расстроила бессмысленная смерть цветка, сколько равнодушие, поселившееся в душе женщины. Я в который раз вспомнил, за что так ненавижу свой переезд из Петербурга.

Вокруг носились энергичные радостные дети, воспевая свое детство в красивом гимне. Чуть менее активно вели себя подростки, пока еще сохранившие оптимизм, но их чувства звучали уже не весельем, а гаммой бесконечных надежд и строительством планов на будущее. На фоне всех них опустошенные взрослые, растерявшие свою личность, отдавали вековой скорбью. Мне сказали, что подобные реалии характерны для всех городов, где не рождаются некроманты. «Что-то не так с водой», – говорили одни волшебники. «Что-то не так землей», – твердили другие. «Нет, чем-то в воздухе запахло!» – возражали иные.

Когда наставали плохие и одинокие времена, я знал, к кому обратиться за помощью или за советом. И тогда я звонил своему старому другу, который предотвратил нашествие призраков в 1703-м, когда название «Санкт-Петербург» еще не закрепилось за молодым городом, но уже была заложена первая крепость. Да уж, мы с ним помнили Петербург по-разному, и я, конечно, не застал восемнадцатый век. Да и от девятнадцатого я видел лишь половину, но зато, попрошу, лучшую его половину! Я набрал знакомый номер, проходя вдоль трамвайных путей. На какой-то момент монотонный, постепенно удаляющийся звон поворачивающего трамвая отрезал от меня телефонные гудки.

– Да, здравствуйте! Натан Соломонович, я бы с вами увиделся. У меня тут небольшой кадровый и экзистенциальный кризис. Нет, все сразу. Да, так всегда и бывает.

– Ну, тогда подходи в кафе. Поговорим. – Голос определенно ухмылялся.

Переспрашивать, в какое кафе, не имело смысла. В моем городе было только одно кафе, и открылось оно несколько лет назад. Куда ходили пить чай и перекусить подростки, парочки, а также молодые семьи до этого, для меня оставалось загадкой. Поэтому я уточнил:

– Когда?

– Обижает! Я тебя уже десять минут жду на месте, а ты все такой же копушечный и медлительный, как в старые времена.

– Люди не меняются, – я невольно улыбнулся и неприятные мысли отступили сами собой, – и я не медлительный, я созерцаю и никуда не тороплюсь.

Натан Соломонович сидел на мягком красном диванчике за столиком у окна. Он отдал предпочтение темно-синему костюму-тройке, который сложно было отнести к конкретной эпохе. Неумирающая вечная классика. Я покачал головой и зашел в кафе. Натан Соломонович заметил меня, встал из-за стола и поприветствовал вежливым кивком.

– Я позволил себе наглость лишить тебя мук выбора десерта и напитка. Честно говоря, я ненадолго в этом уездном городе. – Натан Соломонович подмигнул мне, а потом резко стал серьезным.

Шли годы, а мой бывший учитель ничуть не менялся: его выделяли из толпы все те же аккуратно выбритые виски с легкой сединой и безукоризненная осанка. Многие посетители кафе задерживали на чинном некроманте взгляд и, сами того не осознавая, распрямляли спины.

– А я уж было решил, что вы почувствовали мое смятение и решили по старой доброй памяти навестить меня. Но у вас, кажется, ко мне какое-то дело. Или просьба.

Я прищурился, пытаюсь угадать, что привело одного из выдающихся волшебников Москвы в мою скромную обитель.

– Одно другому не мешает. – Натан Соломонович кивнул на две небольшие чашки кофе: – Латте, зерна средней обжарки. Много молока. Как раз тот запах, который терпеть не могут мертвяки и inferнальные сущности. Пей почаще и станешь для них неудобоваримым. Может, и всякая нечисть, вроде улиточек и моли, перестала бы так бушевать. В Петербурге,

кстати, мы уже давно понатыкали на всех углах улиц ароматные кофейни. И работы сразу стало намного меньше.

Я вздохнул. Значит, наставник уже знал про события последних дней, в результате которых кадровый состав «ЭкоДома» снова уменьшился до одного-единственного сотрудника.

– Так вам уже сообщили... А я пожаловаться хотел. Эти люди, они какие-то слишком пугливые. И приключения любят только в кино и в своих фантазиях.

Натан Соломонович развел руками:

– Ну так ты все равно жалуйся!

Я не сомневался, что мой бывший учитель получил достаточно подробный отчет о зачистке памяти Марии, а также обо всех событиях, эту самую зачистку спровоцировавших. По какой-то странной причине даже со стертой памятью Мария возненавидела угол Садовой улицы, на которой был расположен мой офис, а также сильно увеличила свой ежедневный путь домой, обходя бывшую работу буквой «П». Натан Соломонович ухмылялся, когда я рассказал про нашествие плотоядных тыквенных слизней, которые перевернули лавку с овощами и по ошибке вместе с тыквами съели рыжий парик моей сотрудницы. Наставник слушал меня внимательно, не перебивая, а когда я закончил рассказ, плавно перешел к своей теме:

– Ты единственный в городе волшебник и, я смотрю, достаточно сильно одичал. Тебе не хватает окружения. Люди – это наши подопечные, мы охраняем их покой... но они – не твой народ.

– Но я не могу уехать из этого города! Я бы очень хотел, чтобы все забыли, забыли... ну, вы понимаете о чем. – Перед моими глазами вставал туманный Петербург и желтый свет фонарей, разлитый по глади канала на набережной.

– Некроманты живут долго и запоминают все крепко. Я верю, что однажды ты окажешься выше своей ошибки в глазах Совета волшебников и сможешь вернуть себе свою жизнь. Ты – отличный специалист, и твою карьеру не определяет один отдельно взятый эпизод из прошлого...

Я поморщился и придвинул поближе кусок вишневого пирога, заказанного моим наставником.

– И вы специально мне намекаете своим пирогом из сериала «Твин Пикс», что город мне не подходит?

– Иногда пирог – это просто пирог. Я люблю вишню. – Натан Соломонович забарабанил пальцами по столешнице. – Никто не просит тебя покинуть твой пост. Тебе просто нужно взять себе помощника волшебных кровей. Ты раз за разом совершаешь одну и ту же ошибку, нанимая для своего бизнеса людей, но твои дела в первую очередь магические. Значит, и на службу нужно брать некроманта.

Мне снова, как в годы своего обучения, захотелось спорить и возражать:

– Мне нужен человек с соответствующим образованием! У меня нет времени обучать некроманта всем экологическим нюансам. Я живу, по-вашему, на что? «ЭкоДом» меня кормит.

Натан Соломонович принялся заливисто смеяться:

– Тебя твои удобрения кормят.

Я понял, что моя фраза оставила маневр для иронии и получилась двусмысленной. Дело в том, что каждый из нас выбирал себе контору-прикрытие, чтобы вести официальный бизнес. Наше дело содержало нас и выставляло в выгодном свете для государства и налоговой. Мой выбор позабавил многих: больше семидесяти процентов дохода я получал, зарабатывая на продаже навоза с добавлением переработанного праха упокоенных существ.

Я все никак не мог подобрать встречную, не менее смешную шутку про заработок Натана Соломоновича, но его деятельность была слишком серьезной и какой-то несмешной. Каламбуры про последний гвоздь в крышку гроба и про «ну как там ваши клиенты, уже возвращаются в гробах?» были плоскими и избитыми. Мой наставник с недавнего времени держал похоронное

бюро в Москве и, разумеется, ни в чем не нуждался. Насколько я слышал, почти все крупные могилокопательные конторы так или иначе принадлежали некромантам. Да, даже некромантам приходится работать, потому что упокоенная нежить и мертвые монстры не назначат тебе зарплату вместе с премией за свое гуманное убийство.

– Давайте не будем о навозах. Мне сегодня еще очень много бумаг на поставки заполнять и проверять данные анализа грунта и заборы воды... Заборы – не те, которые из досок, а заборы – в смысле пробы.

– У меня есть для тебя отличный кандидат. Заполнит за тебя все документы, примет всех посетителей, организует поставки твоих... гм, удобрений. И ничуть не удивится монстрам этого города. Ну, умеренно удивится. Она еще не была в поле...

– Она?! Не была в поле? – Я не знал, что меня удивило больше – тот факт, что мой наставник опять бессовестно пытался найти мне пару, или тот, что он собирался повесить мне на шею совершенно неопытного новичка.

– Вы бы лучше своими могилорылами занялись. И наняли себе нормальный персонал. А что, почему вам не последовать своему же собственному совету и не нанять неопытных волшебников? Они вам половину кладбища из мертвых поднимут и вечеринку по ошибке закатят!

Натан Соломонович опустил взгляд:

– Ты ведь не сдашь меня Совету волшебников? Они оформляют огромные штрафы за жестокое обращение с умершими. Но я же не всех воскрешаю, а только тех, кто при жизни себя очень плохо вел. И потом, нежить – она достаточно понимающая и работающая. Быстро копает. Да и недолог век воскрешенного...

– Не хочу знать, – я замотал головой. – Нет, конечно, я не буду писать на вас жалобу. Но и вашу юную Гермину я к себе на службу не возьму.

В переговорах самое главное – до конца отстаивать свое мнение и идти лишь на незначительные компромиссы, которые кажутся уступками только на первый взгляд, а на самом деле играют в вашу же пользу. Однако на следующее же утро мне пришлось отправиться на вокзал встречать юное дарование, которое мне так красочно расхваливал Натан Соломонович.

«Это моя лучшая выпускница. Ей не хватает практики, но ведь теоретических знаний у нее предостаточно. Настоящий талант. Ты тоже таким был», – звучали у меня в голове слова моего наставника. Да, когда-то я подавал огромные надежды, но время идет, и нас заменяют более юркие, способные и энергичные личности. Я спросил у своего наставника: «А как выглядит ваша воспитанница? На вокзал прибывает много разных людей, как я смогу ее узнать?» – «О, поверь мне, Адель ты ни с кем не спутаешь!» С этого и надо было начинать!

Мне уже начинало казаться, что я вписался в какую-то слишком эксцентричную авантюру, которую просто не смогу потянуть. Я ожидал увидеть девушку в яркой одежде или с необычным цветом волос, возможно, чересчур красивую или очень неаккуратную, влетающую лицом в стеклянные двери. Я даже был готов встретить гламурную версию Адель, нагруженную кучей лишних сумок, но все мои предположения разбились о скалы реальности. Электричка замедляла свой ход, выезжая из-за поворота. На часах было чуть больше девяти вечера, и состав приходил по расписанию без опозданий.

Мне было одновременно беспокойно и неуютно: кажется, нелюбовь к переменам стала давать о себе знать последнее время еще более настойчиво. Я не мог пройти на перрон, поэтому просто ждал гостью перед турникетами, сразу у лестничного спуска. Первыми через пропускной пункт всегда просачивались жители города, которые каждый день ездили на работу в Москву, а потому точно знали, в который вагон нужно сесть, чтобы оказаться сразу у выхода. За работягами, готовыми трястись в электричке несколько часов ради лучшего заработка, следом шли студенты, возвращающиеся на выходные с учебы. Дальше толпа немного мешалась, и выделить людей становилось чуть сложнее. Кто-то наверняка приехал в гости, кто-то – навестить родственников, кто-то – на дачу... Последними обычно выходили туристы. Толпа редела,

и мне уже начало казаться, что я перепутал время или день приезда моей будущей сотрудницы. Однако тут из вагона по перрону зашагала высокая девушка с длинными каштановыми волосами. Проводница, проверяющая билеты, крикнула ей вслед что-то удивительно похожее на:

– Девушка, это у вас не собака! Это точно дикий зверь! Нет, подождите! Нужно оплатить штраф!

Я ахнул. В одной руке у барышни была ручка объемного и вместительного чемодана, а во второй – поводок с... да, проводница была права: собакой четвероногое создание, ступающее в ногу рядом с Адель, назваться могло с большим трудом.

Это же гончая дикой охоты из загробного кельтского мира! Огромный белоснежный пес обернулся и расплылся в улыбке с оскалом, отчего проводница, семенящая за девушкой, покачнулась и начала терять сознание. К счастью, работница электрички была подхвачена широкоплечим мужчиной, вытаскивающим из вагона многочисленные ящики с фруктами. Адель что-то еле слышно сказала псу, и он от гордости еще больше наострил свои ярко-алые уши. Девушка достала из кармана билет и прошла сквозь прозрачные двери турникета, гостеприимно разъехавшиеся перед ней. Подтянув к себе ручку чемодана, она осторожно спустилась по четырем ступенькам и только затем осмотрелась.

– Адель, добро пожаловать! – Я не знал, что принято в таких случаях говорить незнакомому человеку. Я даже не был уверен, рада ли она находиться вдали от дома и добровольно ли отправилась в командировку.

Гостья кивнула, и на ее лице отразилось много разных смешанных чувств сразу. Наиболее ярко из них выделялось желание задать вопрос и поделиться впечатлениями. Она посмотрела на своего пушистого спутника и начала с расспросов:

– Вы же Гиляд, верно? Я очень рада с вами познакомиться. Правда, мы несколько часов провели в электричке, без возможности выходить на остановках... Они были слишком короткие... Ну, сами понимаете. Не подскажите, где здесь у вас... – девушка замялась.

Я не знал, куда деть руки, поэтому махнул рукой в сторону зеленого двухэтажного здания вокзала, где можно было также купить билеты:

– Уборная по коридору, налево, а затем направо. Вы пойдете мимо электронного табло с расписанием отправления электричек и повернете сразу за кассами. – Чем подробнее я описывал путь, тем больше это начинало забавлять мою собеседницу.

– Да нет же, это не для меня, а для Арауна. Как у вас тут вообще с необходимостью убирать за животными? – Адель посмотрела в сторону сквера возле вокзала, который, очевидно, показался ей слишком ухоженным.

– Араун? – Я больше не мог игнорировать тот факт, что девушка привезла с собой отлично дрессированную гончую дикой охоты. – Подождите, вы назвали его Араун?

– Это долгая история, – пожала плечами девушка, – я вам лучше ее по дороге расскажу.

– Вы позволите? – Наверно, после знакомства стоило сразу же начать с предложения помощи в перемещении чемодана. – В таком случае можем отойти поближе вон к тому краю лужайки. Если честно, у меня никогда не было собаки. Но совсем недавно я едва не решился держать у себя дома улитку.

Мы двинулись вдоль вокзала, подальше от случайных взглядов людей.

– Улитку? – переспросила Адель. – Не думаю, что это сложно – держать у себя дома улитку.

– Да, только если это не тыквенный слизень из другого измерения. Но мы вроде как подружались. Я бы никогда не подумал, что, будучи некромантом, девяносто процентов времени буду сталкиваться с плотоядными растениями и животными, а вовсе не с живыми мертвецами... Какой-то я аграрий. Но все мы так или иначе романтизируем нашу будущую работу.

Девушка засмеялась:

– Вы спрашивали, почему пса зовут Араун. Это не я давала ему кличку. И я не крала его из потустороннего мира. Я знаю, что эти гончие ужасно редки. Это подарок короля эльфов – Арауна.

– Вы знаете короля эльфов? – Я постарался смягчить свой голос, чтобы он звучал не так удивленно.

Из всех миров, населенных волшебными созданиями, не было места более скрытного и вызывавшего живейший интерес, чем эльфийское царство. Большая часть знаний о нем осталась со времен Средних веков. Тогда наши миры вели активную торговлю, а некроманты Земли и эльфы заключали браки и военные союзы так усердно, что о других измерениях узнали простые смертные. Остроухие сильно наследили в землях суровой Англии, о чем в итоге пела каждая вторая романтическая баллада или героический миф кельтов. Иногда, в память о былых временах, наши ученики отправлялись в легендарное королевство на стажировку и получали совершенно уникальные знания.

– Да, нас Натан Соломонович познакомил. Король Араун подарил мне щенка и сделал предложение. Правда, я отказала, так как была слишком юна и не представляла себя заложницей королевских покоев. Но пес остался со мной. Король сказал мне, что гончая будет моим надежным стражем и охранником, и попросил назвать собаку в его честь. А также заверил, что я могу вернуться во дворец, если передумаю и решу выйти за него.

Этот разговор о волшебных знакомствах напомнил о старых добрых временах ученичества, когда я появлялся на званных вечерах в сопровождении своего наставника. Предложение мне никто не делал и собаку не дарил, но держу пари, что однажды я очень сильно понравился королеве гномов. То есть я надеялся, что это была королева гномов. Кажется, отличать гномов-женщин хорошо наловчились только гномы-мужчины.

– Я бы его отпустила, – прервала мои мысли Адель, – ну, Арауна. Я бы отпустила его с поводка. Меня же не оштрафуют?

До меня не сразу дошел смысл ее слов. Сначала я по ошибке решил, что мы все еще говорим про короля эльфов.

– Ах, это. Насколько я знаю, у нас штрафуют только за появление собаки на детской площадке. А, и еще, кажется, это касается общественных мест... Я не совсем уверен.

Девушка поникла и потрепала пса за ухом.

– Мы жили рядом с большим парком, недалеко от центра Петербурга. Араун свободно бегал и всегда приходил на мой зов. Он очень хорошо воспитан. Я поводок-то купила только перед самой поездкой... А тут повсюду люди и общественные места. Полагаю, нужно будет купить ему длинную рулетку.

Разговор завязался удивительно непринужденный. За час неторопливой прогулки мы дошли до моего офиса. За это время мы успели многое узнать друг о друге. Выяснилось, что мы выросли в одном районе – среди сталинских и дореволюционных домов недалеко от станции метро «Площадь Александра Невского», только в разное время. Одни места вскармливали большое количество некромантов, а другие – напротив, не могли породить совсем никого. Мне начинало казаться, что подобные феномены объясняются окружающей средой. Есть идеальные условия, которые подталкивают человека переступить границу обыденного. В них все дышит зефирной сказкой, и ты уже не готов мириться со своей полуслепотой, а потому шагаешь за приоткрытую завесу в мир волшебного. А есть места, где обыденность – норма, и люди боятся выбиться из толпы, стать не такими, как все. Не решаются вырваться из вязкой, но удивительно спокойной рутины домашнего быта. Совсем как в моем новом городе.

Я много думал и больше слушал, чем говорил, а у Адель оказались удивительно интересные истории. И вот настал этот неловкий момент, когда предстояло решить, где будет жить моя новая ассистентка. Естественно, прежде чем соглашаться нанимать необученную волшебницу, я поинтересовался у Натана Соломоновича в весьма язвительной манере: «И куда же мне

ее устроить на ночлег, по-вашему?» – но мой бывший учитель лишь долго смеялся и оставил тему открытой. Впрочем, у Адель имелся уже свой собственный план. Казалось, ее вообще невозможно смутить:

– Полагаю, назначенной вами зарплаты должно с лихвой хватить на аренду квартиры или отель.

Мне всегда нелегко давались решения, а говорить о щекотливых вопросах становилось неудобно настолько, что порой я игнорировал их или и вовсе пускал на самотек. Например, сколько платить Адель, в итоге решил Натан Соломонович, посчитав ее возможные расходы, профессиональный риск и уровень мастерства. Выходило побольше, чем получали ассистентки-люди, но им не приходилось тратиться на съем жилья, а еще они не собирались работать с магической стороной моего бизнеса.

– Я немного ознакомилась с ценами на аренду недвижимости в этом городе. Однако я не привыкла жить одна. – При этих словах Араун нетерпеливо заворчал: не то от недовольства по поводу того факта, что его не считают за человека, не то просто от усталости. – Натан Соломонович говорил, что у вас есть свободная комната, которую вы не используете. Я готова разделить расходы пополам и заселиться в нее, если, конечно, вы не против моей компании и я не помешаю вашему ритму жизни.

Адель, похоже, с легкостью организовывала всех и все вокруг. Я даже и не знал, что ответить и как все решить.

– Если вы не уверены, давайте сегодня я переночую у вас, а утром за завтраком сообщите мне о своем решении. У вас будет время подумать.

Меня смущал лишь один момент:

– Но что о вас подумают местные люди?

– Помилуйте, сейчас не XIX век на дворе! Люди давно перестали лезть в чужую личную жизнь. – Адель стояла на пороге у входа в офис и выглядела заметно уставшей.

– Только не в этом городе! Похоже, что удивительное количество местных жителей живет исключительно сплетнями, подпитываясь от телевизионных ток-шоу и разговоров о семейном быте своих соседей.

– Если единственное, что вас беспокоит, – это моя репутация, то не переживайте, я справлюсь. Королю эльфов только не говорите, – усмехнулась она, – а всем любопытным можете отвечать, что я ваша сестра.

Не сговариваясь, мы отложили в сторону обращение друг к другу на «вы». Я покачал головой и повел ее в дом через дорогу, в котором снимал двухкомнатную квартиру на пятом этаже. Уже предвкушая, как обрадуются жильцы моего подъезда огромной белой собаке, похожей на волка, я в крайне приподнятом настроении преодолевал лестничные пролеты. Эта мысль не только грела, но и помогала нести тяжелый чемодан.

Всю ночь я не мог заснуть и раздумывал над предложением Адель. С одной стороны, в случае возникновения непредвиденных ситуаций моя напарница будет рядом и сможет мне помочь. С другой – целые сутки проводить с одним и тем же малознакомым человеком казалось слишком изматывающим. А что, если мы не сойдемся характерами? Или она захочет перекрыть те вещи, к которым я привык: купит некрасивый декор, переставит посуду, наведет свой порядок в одежном шкафу? Или будет надолго занимать ванную, или окажется, что она невкусно готовит, но мне придется есть ее обеды и ужины из вежливости? Я бы не хотел портить свое впечатление об Адель из-за дурацких бытовых привычек...

Мне все-таки удалось заснуть, но уже ближе к утру, поэтому после пробуждения я чувствовал себя крайне разбитым. Во второй комнате слышался отчетливый нервный «кляц-кляц» собачьих когтей по полу. Судя по отсутствию реакции, девушка еще спала. В конце концов, после добавления к «кляц-кляцу» мелодичного «у-у», раздалось хриплое сонное бормотание:

«Да, да, уже иду», «Я почти встала, говорю». Я успел одеться и привести себя в порядок, поэтому деликатно предложил прямо из коридора:

– Доброе утро! Давай я пока выведу на улицу Арауна.

– Доброе! – Судя по тону моей ассистентки, оно было скорее злым или как минимум досадным. – Двадцать минут он сможет потерпеть. Ты обещал обсудить со мной тему жилья за завтраком. Пойдем в какое-нибудь кафе.

Это было так мило, что Адель решила, будто в этом городе есть сразу несколько кафе. «Похоже, мы все попадаемся в эту ловушку», – решил я.

Мы расположились на летней террасе, а под фигурно кованными ножками столика расположился вполне довольный пес. Моя напарница взяла разных блюд по чуть-чуть и задумчиво пробовала каждое по очереди. Мы сидели в каком-то непривычном молчании, и я все пытался понять, что же пошло не так. Наконец, девушка произнесла:

– Ой, я стараюсь сначала завтракать, а уже потом говорить. А то я становлюсь злой, если голодна. Ты вчера сделал вкусный чай, и печенье со сладостями мне понравилось...

Меня позабавило это признание, и я решил сам поднять тему:

– Пожалуй, я не против, что ты займешь свободную комнату.

Девушка кивнула и попросила показать город. Было воскресенье, и возвращаться в контору не требовалось, поэтому я мог показать интересные уголки, парки и достопримечательности. Мы прогулялись по центральной площади с фонтаном, посмотрели музей скульптур под открытым небом. Мне захотелось показать девушке одно из самых красивых мест старого города – большой квартал, сохранившийся неизменным с XVIII века. Двухэтажные пастельно-синие, фисташково-зеленые и пудрово-лимонные двухэтажные дома утопали в зелени. В них было что-то неуловимо неаполитанское, и я сразу вспоминал особняки жаркой Италии, теснящиеся на скалах вдоль береговой линии. Между домами лежали мощенные брусчаткой широкие дорожки, а за каждым задним крыльцом начинался просторный двор с яблонями, грушами, стогами сена и деревянными телегами, словно случайно забытыми на траве. В этом квартале жизнь делала скачок на три века назад, а время начинало течь более неторопливо. Барышни в пышных старинных платьях предлагали попробовать местный лимонад и угощали крохотными конфетами. Адель пришла в восторг и попросила сделать с ней несколько фотографий на память. Она все удивлялась, что в этом месте можно найти небольшой интерьерный театр, сувенирный магазин, таверну, а еще клуб реконструкции. Когда девушка торжествующе посмотрела на красиво оформленную витрину лавки со сладостями, я предпочел напомнить истину, верную для любого туристического центра:

– Здесь цены для туристов, лучше печенье и конфеты купить в киоске подальше. Конечно, здесь упаковка красивее, и если тебе нравится переплачивать за сервис и декор...

– Я не для себя возьму. И всего одну пачку, отправлю родителям по почте в подарок. Мама любит все эти яркие ленточки, гофрированную бумагу и блестящие золотые надписи, сделанные красивым шрифтом. – Девушка привязала поводок Арауна к деревянным перилам массивного резного крыльца у входа в кондитерский магазин.

Этот жест был простой формальностью. Что-то мне подсказывало, что если гончая дикой охоты захочет куда-то пойти, то она с легкостью потащит за собой не просто перекладину перил, а сразу все крыльцо.

– Мне, пожалуйста, вот этот чайный набор. Да, тот, побольше. С зефиром, конфетами и чайным сбором.

Я предложил пойти домой через ту часть Старого города, где сохранился кремль. Пес натянул поводок и стал сильно волноваться.

– У волшебников ведь не бывает выходных? – с подозрением уточнила Адель, сжимая большой подарочный набор гостинцев, упакованный в цветной целлофан.

– Мы работаем, когда нечисть не дремлет. А не дремлет она почти все время... Жаль, что у нее нет жесткого графика, при котором хотя бы в воскресенье она предпочитает отоспаться подольше и пойти в церковь. Для людей офис закрыт в субботу и воскресенье, ну а с inferнальными созданиями я все никак не могу договориться.

– Араун чует все недоброе и опасное. Он сейчас взял след.

Пес и правда сильно тянул поводок, и я заметил, как напряглись мышцы на руках у моей ассистентки. Гончая начала двигаться легкими прыжками, и нам пришлось устремиться за ней. Пес приметил неопределенный желтый сверток и накинулся на него, схватив в зубы. Я засмеялся в голос. Таинственная находка оказалась упаковкой от недоеденной шоколадки «с банановым ароматом».

– Араун, фу!

Но было поздно, пес уже успел проглотить половинку шоколадки с вафлей, подтаявшую на солнце.

– О, не будь к нему строга! Он уничтожил ужасно вредный батончик с безобразным количеством красителей и консервантов.

Адель выглядела смущенной:

– Никак не могу отучить его от привычки хватать еду на улице. В Петербурге нам приходилось обходить целый угол парка, потому что сердобольные бабушки оставляли там крупу, а иногда и кусочки мяса для птиц и бездомных животных.

Впрочем, пес, облизнувшись, потянул свою хозяйку вперед, и мне пришлось бежать рядом.

Девушка попыталась перехватить поводок поудобнее.

– Меня предупредили, что здесь особенно часто возникают пространственно-временные разломы и из них выползает много нечисти. Я думаю, что Араун мог что-то почувствовать! – на бегу прокричала она.

Пес замедлился, а потому на площадь за кремлевской стеной мы вышли, а не вбежали. Часть пешеходной зоны была закована в прозрачный поликарбонат. Под панелями было три метра пустоты, а затем виднелся круглый остов не то башни, не то церкви, найденный при раскопках. Араун отказался ступать на стекло и вытянул шею, с ужасом вглядываясь вниз, словно под его лапами с минуту на минуту должна была разверзнуться бездна.

– Совет волшебников накрывал центр города экранирующей сеткой? – спросила немного запыхавшаяся Адель.

Я кивнул, вспоминая одну из любимых лекций по магии – про древние города. «Чем старше город, тем больше внимания ему уделяют главы волшебных сообществ. Места с богатой историей аккумулируют огромное количество энергии, становясь источниками силы, а значит, притягивают другие миры по определению. Чтобы обезопасить жителей города, на наиболее старые участки с кладбищами, рыночными площадями и городскими стенами накидывают невидимый покров из чар сотен волшебников. Из чар сотен – просто потому, что одному или нескольким волшебникам такая работа была не под силу».

– Может, он просто чует слишком большую концентрацию магии?

Адель пожала плечами, как будто боялась, что я сейчас начну спорить с ней и попытаюсь внушить свое мнение. Я видел, что ее не убедило мое предположение.

Адель. Что-то не так с городом

Мне всегда казалось, что лучше всего можно понять город, если пройти его пешком. Охотно открывали свои секреты исхоженные тропы в поле, илистые берега рек и даже асфальтовые дорожки, на которых я оставляла свои отпечатки. Словно дух города наконец засчитывал усердие и внимательность и проводил своеобразный обряд посвящения. За теми, кто каждый день куда-то спешил и бежал, завеса тайны закрывалась плотно. От всех равнодушных и торопливых людей ускользали даже такие маленькие штрихи, как акварельные разводы закатов и безоблачные звездные ночи. Приходя домой перед самым сном, я сверяла свои умозаключения с книжкой по истории города.

Никто не помнил, откуда появился небольшой квадратный водоем перед кварталом современных высотных домов. На всех фотографиях и гравюрах, которые мне удалось отыскать, этот небольшой пруд неизменно был изображен. Более того, его не стали зарывать при перепланировке местности пару лет назад и вписали в центр архитектурного ансамбля из новостроек. Древние песни лягушек рассказали мне, что их незатейливый островок воды – это осколок священного первоморя, откуда пошла вся жизнь.

Посреди поля, куда отправлялись на променады владельцы собак, образовался огромный кратер. Вместо того чтобы выровнять уровень земли, по дну ямы просто проложили асфальтовую дорогу, которой жители панельных домов пользовались, чтобы сократить путь. Когда я спустилась в ров, то почувствовала, как резко, на несколько градусов упала температура, и нащупала приоткрытую дверь в подземное царство.

* * *

Сперва Гиляд хотел составлять мне компанию в прогулках перед сном, но я настояла на том, чтобы выходить в сопровождении одного лишь Арауна. Ткань реальности может и оби-

деться, если не уделить познанию достаточно своего личного времени и уважения. В один из первых вечеров после заката солнца я наткнулась на женщину, которая стояла возле пятиэтажного дома и смотрела в теплые желтые окна. Я видела только ее широкую спину и тележку, груженную большим количеством чемоданов и сумок. От тяжести ее багажа на газоне остались две глубокие борозды, обнажившие черную землю и напомнившие мне почему-то кровотокающие царапины.

– Вы забыли ключи? – рискнула предположить я и сошла с асфальтовой дорожки на траву.

Женщина ничего не ответила и даже не обернулась. Кажется, она не верила, что к ней могут обратиться, или не хотела разговаривать со мной.

– Прошу прощения, вы не можете попасть домой?

На этот раз дама повернула свою голову, словно сова, и ответила очень хриплым голосом:

– Нет, я просто слежу за порядком. Тут всякое происходит... Скоро пойду домой.

– Вам довести тележку до квартиры? Она кажется очень тяжелой.

Незнакомка затряслась, дернула плечами и с трудом взяла себя в руки:

– Я никому не доверяю трогать свои вещи. И всегда ношу их с собой. Не оставляю без присмотра, чтобы их не забрали. А то я потом ничего не докажу. Ничего-о-ошеньки не докажу.

Я вспомнила, как добиралась на занятия к Натану Соломоновичу через центр, на сорок шестом автобусе, который шел мимо Михайловского замка, Марсова поля и Летнего сада. В салон вошел немытый человек, от которого отворачивались пассажиры. Никто не хотел его замечать. Я до сих пор думаю, что более уместной маскировки просто не придумать: люди боятся смотреть в глаза олицетворению бедности и бездомности, выраженной в отдельно взятом человеке. В этом же автобусе ехал турист, который не представлял, на какой остановке нужно сойти. Он пожаловался, что так и не смог разобраться с местной картой и не представляет, где находится. Кондуктор замотала головой и сообщила, что она не имеет понятия о деталях маршрута, на который ее перевели совсем недавно, а потому она ничем не может помочь. В глазах бездомного зажегся огонек, и он принялся рассказывать про каждую достопримечательность самые интересные факты, сообщил названия остановок и пообещал, что подскажет, где нужно сойти. Гость Петербурга оказался очень растроган – ему провели совершенно уникальную экскурсию и помогли найти дорогу до его отеля.

Женщина вернулась к созерцанию чужих окон в темноте, но ее фигура почему-то ужасно напомнила мне доброго старичка из автобуса. Что-то в них было неуловимо похожее. Богатый жизненный опыт, скрытый под неприятной на первый взгляд оболочкой, эта невидимость, из-за которой все горожане равнодушно отводили взгляды в сторону...

Когда я добралась до кухни и завела разговор о женщине с тележкой вещей, Гиляд лишь развел руками:

– Местные считают ее городской сумасшедшей, но на деле эта дама в возрасте просто со странностями. Она возит с собой только тетрадки, в которых тщательно записывает каждый свой день – то, что услышала по радио, то, что сказали соседи, и новости, оказавшиеся в газетах, а также то, что увидела и подслушала, наблюдая за местными жителями. Команда зачистки несколько раз меняла ей память, и женщина не может помнить ничего волшебного или inferнального. Записи многочисленных страниц подтверждают мою гипотезу. Вообще, Лизавета больше по теориям заговора. Пытается объединить события, между которыми нет никакой связи... И свет ей отключили, потому что в газете написали про смерть мэра. И шпионят за ней, потому что на телевидении вышло интервью с краеведом, сотрудником музея... У нее много суждений, я не разобрал все ее записи. Но в этом и нет нужды. Просто у Лизаветы развито воображение. У меня есть версия, что она хочет писать фантастические книги и ищет сюжеты, заимствуя их из жизни и наполняя вымыслом. А пока просто собирает материал. Такой пока еще не признанный Стивен Кинг местного разлива.

Наверно, в каждом населенном пункте есть свои приметно-неприметные люди, про которых слагает городские легенды только молодежь – юноши и девочки пограничного возраста. Не взрослые, но и уже не дети. Почему-то именно подростки смотрят куда пристальнее всех прочих людей и видят все события насквозь, без флера от розовых очков детей или серых оттенков взрослости. Прошла пара дней, и я, как и многие, отодвинула на задний план мысли о Лизавете и черновиках ее невероятных романов.

Жизнь потекла своим чередом, когда я наконец научилась вести бизнес маленькой, но гордой конторы под названием «ЭкоДом». Мне потребовалось чуть меньше недели, чтобы разобраться, как заполнять бесчисленные бланки и отчеты, как общаться с клиентами и грамотно переделать сайт. Вообще, изначально интернет-страничка «ЭкоДома» со всеми своими кислотными рекламными надписями, всплывающими из-за угла экрана, выглядела немного жутковато. Когда я решила, что хуже уже не будет, сообщение о скидке для постоянных покупателей начало пульсировать, увеличиваться и покрываться звездочками, удивительно похожими по цвету и фактуре на пятна ветрянки или бубонной чумы. Мое противостояние с Гилядом, утверждающим, что «здесь все так ведут бизнес», закончилось полным ребрендингом и переходом на светлую сторону цветовой гаммы. В один из вечеров я сделала макет новой вывески и логотипа компании в фисташково-серебристых оттенках.

На следующее утро я ожидала курьера из типографии с плакатами, а вместо этого встретила на пороге буквальное воплощение той жизни, которую оставила позади. Сероглазый нестареющий юноша с волосами, убранными короной, не мог отвести от меня взгляда. Через секунду в дверном проеме показался мой белый красноухий пес, смущенно склонивший голову набок. Я почти слышала, как вращаются шестеренки в его песьем мозгу – одни механизмы говорили: «Поставь ему свои лапищи на плечи», а другие твердили: «Не стоит безоговорочно доверять сильным мира сего».

– Здравствуй, – я разрушила молчание, которое показалось мне слишком морозным и неуютным. – Ты пришел, чтобы снова задать свой главный вопрос?

Король эльфов покачал головой, и в ответ за его спиной зашумели кроны деревьев. Кажется, они аплодировали.

– Я пришел к некроманту, с которым вы ведете здесь дела. Я здесь с неофициальным визитом. Не будь здесь тебя, я бы сначала навестил Совет волшебников. Мне не хотелось подставлять тебя под удар и запускать веретено бюрократических разборок.

– Я ценю это.

Араун-младший обнюхал мантию Арауна-старшего и потерялся об складки ткани белым боком. Так все животные мира испокон веков через людей передают друг другу быстрые послания.

«Мы могли бы быть хорошими друзьями, – подумала я. – Проклятье, ну почему все так сложно?» У короля эльфов было все то, что я больше всего ценила в близких людях, – чувство такта, отличное воспитание, безоговорочная верность. Если бы мы общались больше, он смог бы понять меня, а это, как известно, первый шаг к развенчанию того образа, который люди придумывают, глядя на тех, кто им нравится.

– Сделать тебе травяной чай? – Я не стала говорить Арауну, что полюбила заваривать травы после нашего знакомства. – Гиляд пока на задании, но должен скоро приехать.

– Да, пожалуй, – согласился собеседник, осматривая фойе, занятое моим рабочим столом и небольшим выставочным стендом продукции «ЭкоДома». – Ты могла бы править целым миром, но выбрала совсем другую жизнь. Я уважаю твой выбор, но он меня ранит.

Араун, дождавшись моего кивка, сел на краешек кресла в маленькой зоне для посетителей. Я достала из ящика две кружки и пакет с сушеными цветами календулы, апельсиновыми корками и цукатами. Невысказанные слова повисли в воздухе – нам обоим было понятно, что я променяла жизнь, полную почета и ответственности, на незавидную участь стажера и второй

скрипки. Внезапно даже электрический чайник, ютившийся на моем рабочем столе, потому что его оказалось больше некуда поставить, стал свидетельством моей несостоятельности.

– Я слышал, что ты закончила свое обучение на некроманта. Тебе не хватает практики, но ее будет просто неоткуда взять, если ты закопаешься в этих бумагах и не будешь сопровождать своего коллегу.

Король эльфов намеренно выделил слово «коллега», по своей привычке оставляя мне широкое поле для размышлений. Мой пес улегся в ногах под столом и уставился на меня печальными розоватыми глазами. Дрожащими руками я заварила травы, изо всех сил сохраняя самообладание и стараясь не расплакаться. Неприятные факты о жизни, на которые тебе открывают глаза, останутся такими же неприятными, с каким бы уважением и тактом их ни преподнесли.

Дверь офиса со скрипом открылась, удачно заглушив мой невольный всхлип. Араун встал со стула, приветствуя волшебника, застывшего на пороге.

– Уважаемый Гиляд, я – Араун, король эльфов. Я пришел к вам, чтобы сообщить, что до нашего мира доходят волны и всплески дикой, злой силы. Эпицентр находится на том месте, где располагается город, который вы оберегаете.

В глубине души я знала, эта информация была сказана только для меня. Это было и предупреждение, и предложение разобраться в необычном феномене. Все миры, конечно, были связаны между собой. Но очень редко деятельность, которую кто-то разворачивал в своей реальности, касалась реальности иной. Араун подошел, чтобы поцеловать мне руку, и удалился в кабинет Гиляда Вайса. Другой разговор для моих ушей не предназначался. Я скорее почувствовала, чем услышала, как эльф накрывает комнату завесой непроницаемости, блокирующей все разговоры. Чашка травяного чая осталась на моем столе нетронутой.

Дружеский визит продлился дольше, чем я могла предположить. Мозг услужливо рисовал образы происходящего за закрытыми дверями, поэтому в моем воображении мужчины то хвалились своими подвигами и ностальгировали по прошлому, то мерялись магической силой. При этом в реальности Араун скорее делился своими данными и показывал свои воспоминания, а потом сравнивал с ситуацией в нашем городе. Запоздавший курьер передал баннер для стенда и уличную вывеску, я приняла несколько телефонных звонков и оформила больше десяти заказов на доставку удобрений. Рабочий день подошел к концу, и одновременно с его завершением открылись двери в кабинет некроманта. Хмурый, уставший и потерянный, Гиляд Вайс смотрел в пустоту и не шевелился. Араун вышел из офиса, потрепал своего пушистого тезку и взял горсть сухих листьев из своего кармана. Он исчез, раскрутив указательным пальцем небольшой ручкой смерч из трав и цветов. Запахло терпким медом и акацией, но этот аромат из приоткрытой завесы быстро рассеялся призрачным шлейфом. Остались только нотки дождя и скошенной травы – запах удивительно обыденный и ничуть не волшебный. Именно этими духами меня встретил город на платформе.

«На настоящие задания? А по кускам ее потом кто соберет?» – Среди ворчания Гиляда мне удалось разобрать только эту фразу.

– Твой старый знакомый подкинул мне непростую задачку. С одной стороны, мне нужно понять, что происходит с этим городом. С другой – необходимо безопасно обучить тебя мастерству некроманта в реальных условиях, а не только в теории. Я согласен с королем эльфов лишь в одном – лучше уж мы вместе с тобой будем пытаться понять странную городскую аномалию, чем ты бросишься расследовать все одна и подвергнешь себя большей опасности.

Волшебник предложил выгулять пса в парке неподалеку и заодно решил ввести меня в курс дела:

– Король эльфов утверждает, что оберегаемый мной город сильно меняется. Как будто его кто-то переписывает. Или даже перерисовывает. – Я заметила, что Гиляд избегает назы-

вать Арауна по имени и ограничивается лишь обозначением его титула. Не буди лихо, не так ли?

Я задумалась. Что значит «перерисовать город»? Расставить в других местах парки и пруды? Поменять архитектуру? Вычеркнуть какой-то период истории, словно его никогда и не было? Добавить жителям в коллективную память события, которые не случились? Я вспомнила, что психологи для одного своего эксперимента взяли детские снимки подопытных и при помощи фотошопа поместили маленькие детские фигурки в корзину огромного разноцветного воздушного шара. Около сорока процентов людей не просто вспоминали это выдуманное событие родом из далекого детства, они еще и оплетали его вкусными и яркими подробностями. Нет, если бы кто-то решил внедрить ложные воспоминания горожанам, то мог бы не тратить магию, а просто написать научный труд и выпустить пару-тройку выдуманных статей в известных журналах. Для достижения максимального эффекта желательно еще добавить немного поддельных гравюр или фотографий соответствующего качества. Спустя пару лет мало кто бы усомнился в вымышленности исторического факта.

– Тот, с кем мы имеем дело, – продолжил Гилиад, – перестраивает все на свой лад. Он, как паук, тклет ткань реальности под себя. Наш остроухий друг почувствовал эхо преобразований в своем мире и забил тревогу. Проблема в том, что изменения затрагивают сразу весь город и не локализуются в конкретном районе. Словно тот, кто заварил эту кашу, находится одновременно в разных местах. Ну или удачно это имитирует.

Переплетенные прямо над фонарем ветви деревьев бросали на дорожку тени. Из-за этого на асфальт падало кружево из света и полумрака. Гончая дикой охоты бежала чуть впереди, напоминая призрака: шерстинки пса в послезакатных сумерках искрились лунным светом.

– В чем конкретно выражаются преобразования? – Я попыталась вспомнить всех существ из бестиария, о которых мне рассказывал наставник. Обычно либо магическому созданию уже подходила наша реальность, либо он начинал задыхаться раньше, чем успевал что-либо предпринять. До сих пор археологи находили странные скелеты созданий, не сумевших адаптироваться, и признавали их фальсификатами. – Если речь идет о вымирании целых видов или сокращениях популяции птиц и животных, то можно заподозрить рептилоидов.

– В том-то и дело. Никто бесследно не исчезает. Никто не спешит вымирать. Не меняется соотношение суши-земли, поэтому мы не можем заподозрить амфибий. Но что-то все равно творится. Кого мы еще забыли упомянуть?

– Похоже, что никого. Что мы вообще знаем об этом городе? – Мне показалось, что стоит попробовать решить проблему с другого конца. – В этом городе не рождаются некроманты. А ученики волшебников, которые приезжают сюда, теряют свои силы и со временем становятся людьми. Только некроманты остаются некромантами.

Гилиад вывел нас к центральному фонтану, и шипение падающих брызг немного перекрыло наши голоса. В воде отражалось бездонное небо, сшитое из голубых, розоватых и синих лоскутов. В детстве я думала, что, если забраться в круглую чашу фонтана, мир перевернется, и под ногами у меня окажется сладкая вата из облаков. В своих фантазиях я, конечно, всегда ела легкую ватную паутинку, и в каком-то городе из-за этого не проливался дождь – ведь все дождевые облака были съедены.

Я достала телефон и набрала номер своего учителя:

– Натан Соломонович, здравствуйте, известно ли вам что-нибудь о пропаже экспонатов из музея при Волшебном совете?

– И тебе здравствуй, Адель. Как устроилась на новом месте?

Я замялась. Мне хотелось быстрее проверить свою догадку.

– Из музея ничего не крали. И предупреждая твой следующий вопрос – нет, никто из семей о пропаже семейных реликвий не объявлял. Если у тебя будет настроение, позвони вечером, расскажешь, как прошли первые дни на работе.

– Обязательно. Может ли такое быть, что какая-либо магическая вещь осталась без призора? – Я приглушила голос, спохватившись, что кто-то может нас услышать. Никому не было до меня дела. Если бы я была человеком и услышала бы чьи-то разговоры про магию и артефакты, то решила бы, что речь идет об очередной компьютерной или настольной игре. Но перестраховаться было нелишним.

Натан Соломонович громко задумался на том конце провода:

– Нет, в этом году все владельцы ценных артефактов являлись на проверку в Совет волшебников. Такие вещи всегда тщательно отслеживаются. А почему ты спрашиваешь?

– Помогаю Гилиаду расследовать одно странное дело. Мы отсекаем все варианты – даже самые безумные. – Я посмотрела на скамейки вокруг фонтана.

– Понятно. В любом случае рад был тебя услышать.

Облокотившись на белые изогнутые спинки, в полутьме парка сидели подростки всех возрастов – и школьники, и студенты. Лица многих подсвечивали экраны смартфонов, выхватывая из темноты только овал без тела, что выглядело достаточно зловеще. Компания ребят зашумела, и из переносной колонки раздалась громкая современная музыка, в которой слова не угадывались совсем. Под однообразный мотив исполнитель песни загундосил и завыл, промахиваясь мимо нот. Гилиад нервно дернулся и предложил вернуться домой.

Дома было тихо. Я посмотрела на карту города, вырезанную из дерева разных пород, а потому и оттенков. Каждый цвет обозначал конкретный район, а в темноте даже включалась бледно-желтая подсветка. Гилиад решил при помощи маленьких разноцветных бумажек отметить те места, где чаще всего появлялась нежить, чтобы попробовать получить общую картину происходящего. Некромант по очереди вспоминал все свои дела за последний год, пометая их яркими прямоугольничками. В итоге на кухне стало уютнее и веселее, но ситуация так и не прояснилась. Каждый район нежить оккупировала с приблизительно одинаковым успехом, не отдавая предпочтения конкретному месту, где ее можно было бы выследить и обнаружить. В конце концов Гилиад сдался и переключился на вечернюю беседу:

– Как получилось, что ты стала некромантом?

– Мою жизнь нельзя было назвать обычной. Если бы я не стала некромантом, то даже не знаю кем. – Я позволила себе скользнуть в те давние воспоминания.

Не ночь, но уже вечер. Мне всегда казалось, что в городе поздней осенью темнело непозволительно рано. Мне пять или шесть лет, и я иду рядом с бабушкой в магазин, ведь мама работает допоздна. Я иду рядом с бабушкой, потому что «меня нельзя оставить дома одну». Возле нашего дома, который в трех остановках от Невского проспекта, нет ни одного продуктового магазина, только небольшой круглосуточный ларек с очень высокими ценами. В моем детстве не было супермаркетов. Сияющие витрины, полные еды во всех ее формах и упаковках, расположились на первых этажах бывших доходных домов. Я всегда что-то прошу купить, меня завораживают цвета и обертки, блеск софитов и, конечно, запахи. Я хочу немного печенья с шоколадом, и конфет на развес, и пирожных с пушистой кремовой глазурью. И сколько бы мне ни твердили, что на них совсем нет денег, я не устану просить и уговаривать. Бабушка ужасно утомлена, она расстроена, что ее бывшую жизнь начальницы завода унес ветер перемен. И вместо понимающих коллег с похожими интересами и хобби ей досталась я, ершистый фантазер, не прекращающий болтать.

– Посиди на остановке пока, хорошо? Я скоро буду. – Совсем еще не старая женщина, досрочно отправленная на пенсию, тяжело вздыхает и добавляет: – Я буду видеть тебя вон в то большое окно. Никуда не уходи, слышишь? Дождись меня.

Теперь нас разделяют два стекла – одно от арочного окна, а второе – от навеса автобусной остановки. Я чувствую себя как в аквариуме. Холодный ветер улицы так резко контрастирует со знакомым теплым какао-бризом, поселившимся в магазине. Проходит минут семь или десять, а очередь, заканчивающаяся на моей бабушке, все также неспешно движется вперед.

Мне кажется, что минула целая вечность. Знакомое зеленое пальто из драпа теряется и оказывается перегорожено широкой мужской спиной. Бабушка оборачивается и выглядывает в проход магазина, чтобы убедиться, что я все еще на месте.

У меня в перчатках замерзают пальцы, и я мечтаю только о том, чтобы поскорее добраться домой, где батареи топят жарко, а меня ждет шалаш из стульев и одеял. К остановке то и дело подъезжают разные троллейбусы и автобусы, забирая с собой людей, но я не знаю, который из них привезет меня в нужное место. Все мои вопросы решаются, когда я вижу, как рядом замирает покаты́й автобус в черную полосу. Он похож на колорадского жука и выглядит очень знакомо. Автобус точно поедет в нужную сторону! Об этом говорит и аккуратная вывеска, закрепленная на лобовом стекле, которая гласит «ДОМОЙ». У меня нет сомнений, и внутренний голос нашептывает, что мама уже вернулась с работы и откроет дверь, стоит мне нажать кнопку звонка. Я забираюсь внутрь чрева, усаживаюсь на сиденье из кожи и смотрю на желтые, неприятно-масляные огни улиц. Я не сразу понимаю, что в салоне автобуса, кроме меня, нет совсем никого. Даже кондуктора. Осознание приходит позже, когда меня уносит прочь по незнакомой дороге на большой скорости. Раньше я часто видела, как куда-то мчатся рейсовые автобусы, опустошенные, темные, совсем без пассажиров. Они всегда казались призраками, появившимися, чтобы сразу исчезнуть и оставить теряться в догадках других людей. Хватаясь рукой за поручни, я двигаюсь в сторону кабины водителя, заклеенной выцветшими календарями за разные годы. В небольшое окошко я вижу баранку руля, крутящуюся саму по себе. Мимо проплывает остановка, словно островок спокойствия и безмятежности. Руки сжимаются в кулаки, и я отчаянно барабаню в окно, пытаюсь привлечь внимание. Но меня сопровождают уставшие и равнодушные взгляды взрослых, ожидающих более подходящий транспорт. Их глаза смотрят сквозь меня, и мне начинает казаться, что я и вовсе перестала существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.